
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 316.34/.35:94(47)»1917/1991»
ББК 60.54+63.3(2)6

DOI 10.22394/1682-2358-2017-5-132-137

S.L. Merzlyakov, Candidate of Sciences (History), H.T. Head of the History of the State, Law, and International Relations Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

INTELLIGENTSIA AND AUTHORITIES: PROBLEMS OF INTERACTION IN A HISTORICAL RETROSPECTIVE

The development of the relations between the intelligentsia and Russian authorities throughout the XX century is analyzed. The role of the intelligentsia as a progressive class of development of the social system is considered. The author comes to the conclusion that the intellectual potential of the intelligentsia should be in demand by "the powers that be", otherwise its social energy can become a source of shocks of a truly historic scale.

Key words and word-combinations: the role of the intelligentsia in the history of Russia, power, management, the intelligentsia as a socio-cultural phenomenon.

С.Л. Мерзляков, кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: merzlyakovsl@yandex.ru)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. Анализируется развитие отношений между интеллигенцией и российской властью на протяжении XX в. Рассматривается роль интеллигенции как прогрессивного класса общественной системы. Автор приходит к выводу, что интеллектуальный потенциал интеллигенции должен быть востребован «власть имущими», в противном случае ее социальная энергия может стать источником потрясений поистине исторического масштаба.

Ключевые слова и словосочетания: роль интеллигенции в истории России, власть, управление, интеллигенция как социокультурный феномен.

Интерес к истории формирования и эволюции русской интеллигенции был велик во все времена независимо от того,

какие силы стояли у власти в России. Интересовал он специалистов разных областей гуманитарного знания, что доказывает значение данного социального феномена для развития общества [1–3]. Интеллигенция в разные периоды либо способствовала укреплению и стабилизации положения власти, заслуживая тем самым как минимум лояльное к себе отношение правящей верхушки, либо мешала ей осуществлять властные функции, духовно и морально воздействуя на общество, заражая его своим оппозиционным примером [4].

Русская интеллигенция представляет собой весьма своеобразный и специфический феномен историко-социального и духовно-нравственного свойства, формировавшийся на протяжении длительного исторического периода, но активное ее включение в процесс государственного строительства произошло на рубеже XIX–XX столетий.

Начало XX в. в России отмечено процессом оформления политических течений и общественных движений, особенно после царского Манифеста 17 октября 1905 г., который даровал россиянам «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [5, с. 41]. Процесс партийного строительства в России отличался от аналогичного в странах Старого и Нового Света. Он имел свои особенности, характерные для самодержавной империи. Главная из них состояла в том, что организационное оформление началось с партий, революционных по тактике и программам, и готовых действовать в условиях нелегальности и конспирации. Буржуазные партии в России стали возникать лишь с 1905 г., на Западе же первыми сформировались буржуазные партии, а лишь затем — социал-демократические.

Для страны, где демократия практически отсутствовала, даже недолгий период политического плюрализма стал весьма значимым. За короткий срок в России образовались более 150 политических партий, являвшихся организациями общероссийского, регионального или национального масштаба [6]. По тому времени это были значительные политические организации: партии «Конституционных демократов» и «Союз 17 октября» в 1906–1907 гг. насчитывали по 50–60 тыс. членов; численность социал-демократов в 1907 г. доходила до 100 тыс. [7, с. 19, 67, 146]. Партия социалистов-революционеров в 1917 г. разрослась до 1 млн членов [8, с. 33].

Исследователи подобную политическую активность объясняют тем, что в отличие от Запада образование множества политических партий в Российском государстве в начале XX в. явилось не результатом демократического развития общества, а следствием практически полного отсутствия демократии. Разнообразная социальная дифференциация, многонациональный состав империи вызывали к жизни желание каждого социального слоя, группы, класса или этноса иметь собственную политическую организацию. Это привело не только к появлению большого количества партий, но и формированию широкого спектра их от левых до правых.

Особая роль в образовании политических партий принадлежит интеллигенции, которая берет на себя функции выразителя интересов социальных

слоев, классов и этносов. «Партии, созданные в конце XIX — начале XX века, не только боролись за власть, но и пытались — сквозь призму своих идеологий — выражать различные социальные интересы и реализовать свои доктрины на практике. Конкуренция между партиями становилась таким образом и конкуренцией моделей государственного, общественного устройства России» [9, с. 29]. В связи с этим в начале XX столетия объединенная партиями часть русского общества была готова ввести те права и свободы для всех, которые уже были в демократических странах Запада, но по целому ряду причин ее замыслы не реализовались, и страна оказалась вовлеченной в революционный водоворот.

Обращает на себя внимание факт, что далеко не все партии в случае своей победы гарантировали равные права всем слоям населения. Социал-демократы и другие социалистически ориентированные партии кое-что обещали трудящимся массам, но имущим классам «светили» лишь репрессивные меры. Под сомнение ставилось даже само право их существования в обновившемся обществе. Среди трудящихся слоев равенства также не предвиделось (крестьяне — не рабочие, а лишь их союзники; власть — в форме диктатуры пролетариата).

Гражданское общество в России XIX — начала XX в. сформировалось не на базе какого-либо класса или сословия, а представляло собой движение образованных людей: интеллигенции и земских дворянских кругов, создавших свои общественные организации и партии [2, с. 75, 76, 79].

Раскрывая пути эволюции переходных политических систем, теория политической модернизации выделяет специфические кризисы, которые обуславливают исполнение политическими субъектами своих функций в отношении власти, например кризис участия. Российская бюрократия лишь в верхних своих слоях совпадала с привилегированными классами, в низших же непосредственно смыкалась с массами. Двойственное экономическое положение этой страны обусловило достаточно качественный оппозиционный потенциал, относительно высокий уровень образования, способность к производству идеологии, но оба эти качества остались невостребованными.

Демократическая интеллигенция как идеологическая контрэлита адаптировалась к собственным нуждам марксизм, превратив его в одну из ведущих российских революционных идеологий. Проводилась идея о возможности и необходимости революционного государства и централизованной («секционной» по Дж. Сартори) партии как альтернативной государству формы политической самоорганизации. Таким образом, идеологическая контрэлита отчетливо сформулировала претензии на политическую власть.

В это время появляются и первые признаки стремления масс активно воздействовать на процесс принятия решений. Возникают массовые социальные движения — одно из важнейших средств саморегуляции, совершенствования и, наконец, смены существовавшей социально-политической системы. Попытки правового ограничения самодержавия Дома Романовых и проведение час-

тичных либерально-демократических реформ, в очередной раз завершившихся неудачно, в конечном счете и привели к Февральской революции 1917 г. Некоторые исследователи считают, что, если бы в России сложилась нормальная парламентская система, этого революционного взрыва и последующей Гражданской войны не было бы [10, с. 83].

В новой советской социальной системе интеллигенция оказалась невостребованной. Ее лучшие представители не увидели реальных возможностей применения своих способностей в условиях всеобщего разрушения и распада. Как ни парадоксально, русская интеллигенция стала ненужной для интересов общественного прогресса, даже опасной своими знаниями, и власть сделала все, чтобы превратить ее в «прослойку». Однако со старой интеллигенцией постепенно угасала и исчезала цивилизация, цивилизованность, вся совокупность понятий, именуемых прежде Россией. Мысль — величайший атрибут думающей и ищущей российской интеллигенции — перестала быть делом личности. Человек мыслящий стал особенно опасным, вредным для общества, ибо ему было свойственно (в отличие от многих других) понимание происходящего, а с пониманием, естественно, приходило сомнение в истинности существующих порядков. Общество, его верховные системы отказались от человека думающего. Этим, на наш взгляд, и объясняется травля властью интеллигенции, что стало трагедией как для самой интеллигенции, так и для советского общества в целом.

Потеря истины, истинного пути одновременно означали и потерю обществом интеллигенции. Движение к постоянному упрощению социальных функций и взаимодействий вело к появлению нового типа личности, функциональные обязанности которой осуществлялись на исполнительском уровне. С исчезновением интеллигенции из повседневного обихода исчезало подлинное творчество. Уничтожение (не всегда связанное с физическим истреблением, лишением жизни; под этим термином следует понимать и лишение возможности трудиться творчески, с полной отдачей, и отсутствие условий для содержательного труда, профессионального роста, различного рода политические и идеологические преграды — цензура и прочее, не дающие в полной мере раскрыться таланту, проявить способности) интеллигенции в тоталитарном обществе вызвано несколькими причинами.

Истребляя интеллигенцию, ее противники ставили задачу упразднить из жизни пример для подражания, который она, особенно передовая ее часть, являли. Именно эта, скорее нравственная, нежели политическая, первопричина и стала основанием истребления интеллигенции после Октябрьского переворота 1917 г., во время Гражданской войны и в дальнейшем, в годы развернутого социалистического строительства. Русская интеллигенция в большинстве своем не скрывала резко отрицательного отношения к октябрьским и последующим событиям в России, поставив под сомнение якобы высокий смысл происходящего. За это сомнение ее ожидала суровая расплата.

Пример для подражания был уничтожен, замаран и со временем потускнел, уступив место другим идеям и идеалам, возродившим из российского небытия своего наднационального сверхчеловека, которому все дозволено, который лишен нравственных и духовных исканий, уверен в абсолютной правоте начатого им дела, в понимании истины не только принадлежащей ему самому, но и народу, за который он теперь в ответе в думах своих и деяниях. Русская интеллигенция не могла принять тезиса вседозволенности, в котором ей виделось окончание своего собственного мученического размышления-страдания о судьбах России и русского народа, замененного уверенностью в абсолютной безгрешности и понимании единственно верного направления общественного движения.

Одна из противоположностей социальной системы «большевизм — интеллигенция» должна была перестать существовать, если не в прямом (физическом), то в переносном (одухотворяющем народное чувство) смысле — в поиске сугубо русской духовно-нравственной истинности. Заметим, что в документах ВКП(б) — КПСС под интеллигенцией в целом (не говоря о национальной русской интеллигенции) никогда не понималось ее духовно-нравственное содержание, подразумевавшее совесть народа. Интеллигенция рассматривалась не столько содержательно, сколько в сугубо прикладном смысле — применительно, например, к научно-технической, аграрной, культурной политике Коммунистической партии, то есть постоянно подменялась и постепенно вытеснялась новым понятием — «кадры», которые и были призваны воистину «решать все».

Ликвидация интеллигенции была связана с теоретической установкой марксизма-ленинизма и его идеологов, обосновывавших тенденцию стирания социально-классовых различий и достижения социально однородного общества. В этом заключалась одна из форм нивелировки личности через призму ее социально-классовой принадлежности. В таком представлении интеллигенция со временем должна была раствориться в рабочем классе или колхозном крестьянстве. Интеллигенции отказывалось в праве самостоятельного (на уровне класса) социального существования на том основании, что она не обладает необходимыми (по известному ленинскому определению) классовообразующими признаками. Немногих авторов, желающих противостоять официальной позиции, которые пытались представить интеллигенцию в качестве ведущего класса советского общества, подвергали острой критике на страницах общественно-политических изданий.

Основная масса советской интеллигенции пополнялась за счет рабочих и колхозников, что значительно увеличивало ее численный состав, однако не способствовало улучшению качественных характеристик. Опираясь на мифологизированные ценности и идеалы, советская интеллигенция практически утратила ведущее социальное свойство каждого русского интеллигента — желание пострадать за народ, а вместе с этим и природное начало интеллигентности. В условиях коммунистического строительства интеллигенция как социальный слой общества перестала существовать. Советская

интеллигенция (за весьма ничтожным исключением) стала служить идее коммунизма, удовлетворяя конъюнктурные политические интересы правящей верхушки, а значит, перестала выполнять роль социального и духовно-нравственного барометра народа, превратившись в послушное орудие власти.

Предназначение русской интеллигенции, как истинный смысл ее существования, не совпало с теоретическими установками основоположников коммунистической идеологии и сделанных ими теоретических выводов. Отсюда и соответствующее отношение к интеллигенции, которое выработалось у представителей номенклатурных кругов, видевших в ней угрозу собственному благополучию, и остаточный принцип финансирования культуры, образования, науки, что самым негативным образом сказалось на общественном прогрессе и темпах развития общества.

Следует признать, что без поддержки интеллигенции, без возрождения этого весьма хрупкого социального слоя не может эффективно функционировать никакая общественная система, тем более та, которая стремится выйти из состояния социально-экономического и духовного кризиса. Однако «болеющие», думающие российские интеллигенты и в настоящее время остаются не востребованы властью; как и прежде, они ждут лучшего к себе отношения, лучшей доли за то, что во многом безвозмездно, подвижнически служат своему Отечеству, как и в XVIII и XIX столетиях.

Библиографический список

1. *Африкантов К.П.* Организация эффективного взаимодействия бизнеса, государства и гражданского общества: социальное партнерство // Социальная ответственность и развитие партнерских отношений государства, гражданского общества и бизнеса в современной России. Саратов, 2013.
2. *Земцов Б.* Две России. Гражданское общество в преддверии революции // Свободная мысль. 1996. № 10.
3. *Салтыкова О.П.* Социальная политика в контексте развития человеческого капитала // Запад и Восток: цивилизационный выбор России: материалы международной научно-практической конференции / под ред. П.А. Меркулова. Орел, 2015.
4. *Курьянов Ю.* Власть и интеллигенция: история конфликтов. URL: <http://academcity.org/content/vlast-i-intelligenciya-istoriya-konfliktov>
5. Российское законодательство X–XX вв. М., 1994. Т. 9.
6. *Merkulov P.A., Sokolov V.V., Melnikov A.V.* The interaction of civil society institutions and the state in the sphere of youth policy implementation: the russian experience of the beginning of XX century // Былые годы: российский исторический журнал. 2017. № 43 (1). С. 257–264.
7. Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. (количественный анализ). М., 1987.
8. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1997.
9. *Леонов С.В.* Партийная система России (конец XIX – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11/12.
10. *Кудинов О.А.* Конституционные реформы в России в XIX – начале XX в. М., 2000.